

Александр Савчук

НЕУКРОТИМАЯ ЛЕЯ

Александр Савчук

Неукротимая Лея

«Издательские решения»

Савчук А.

Неукротимая Лея / А. Савчук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907120-0

Любимый персонаж Александра Савчука, мастер боевых искусств Лея, вновь на посту. В Израиле она оказывает важнейшую помощь местной полиции, в Турции — Интерполу, а в США — всем службам безопасности сразу. Во всяком сражении, при самых сложных обстоятельствах и в разговоре на любом языке на стороне Леи — победная уверенность в себе и высочайшая самооценка, чуждая малейшей рефлексии. Отважной героине некогда и нечего бояться — на её стороне феерическое стечение событий и великолепная фантазия автора.

ISBN 978-5-44-907120-0

© Савчук А.

© Издательские решения

Содержание

Насильник	6
Турецкий променад	13
Михалыч – повторение пройденного	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Неукротимая Лея

Александр Савчук

Adjuvare proteggere...

*Посвящается моей любимой внучке
Лиан Аврамиан.*

© Александр Савчук, 2018

ISBN 978-5-4490-7120-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Все имена и события выдуманы,
любые совпадения случайны.**

Насильник

Оставив машину на стоянке управления полиции округа и города Хайфа, Лея уверенно вошла внутрь здания. На проходной молоденькая служащая в форме с погонами сержанта подсказала ей нужный этаж и номер кабинета, куда она, отправившись к лестнице, поднялась пешком. Пару минут спустя Лея уже была у нужной ей двери под номером 312, в которую легонько постучала и, после разрешения войти, шагнула внутрь.

– Госпожа А-ва? – среднего роста моложавый подтянутый мужчина в цивильном костюме встал из-за стола навстречу ей.

– Так точно, – чётко ответила Лея, подходя.

– Капитан Ицхак Барнур, – представился он, пожимая ей руку, – прошу садиться.

Хозяин кабинета располагался за столом, в центре которого находился большой компьютерный монитор, рядом стояли пара стационарных телефонов и лежали целых три мобильных.

– Кофе? – спросил он несколькими секундами позже, после того как разглядел свою гостью повнимательнее.

– Можно, – ответила она, осматриваясь по сторонам.

Кабинет Ицхака был небольшим, но, кроме стандартной мебели – стола, кресла хозяина, четырех стульев для посетителей, большого шкафа с многочисленными папками дел и обязательного сейфа, вмещал в себя множество цветов. В основном это были кактусы самых разных форм и расцветок, которые стояли в кадках у стены и на подоконнике. Еще здесь имелся небольшой аквариум с золотыми рыбками, а у окна пристроился маленький кофейный столик.

– В наличии у меня имеется «боц»¹. Или, если хотите, «капучино» из автомата? Он у нас тут стоит в коридоре рядом, так я сбегая?..

– Просто растворимого с молоком, если он у вас есть, будет достаточно, – улыбнулась она.

Дверь едва слышно скрипнула, и в комнату вошёл еще один мужчина, увидев которого, Ицхак вскочил со своего места.

– Добрый день! – поздоровался вновь пришедший мужчина лет сорока пяти, одетый в гражданское, направляясь к столу и попутно внимательно оглядывая Лею; затем представился: – майор Ави Тамам, отдел специальных операций.

– Лея А-ов, – кивнула ему гостья.

Мужчины обменялись быстрыми взглядами.

– По телефону мы вас немного ввели в курс дела, – с ходу начал разговор Ави, присаживаясь на свободный стул, – так что, если вы не против, мы могли бы выехать на место в самое ближайшее время для ознакомления, так сказать.

– Нет проблем, – сказала Лея, принимая из рук Ицхака картонный стаканчик с кофе. – Можно прямо сейчас.

– Как я вам уже сказал, правда, по телефону, работа эта опасная, так что вы еще раз хорошенько обо всём подумайте.

– Я приняла решение и готова действовать.

– Окей, замечательно! – потёр ладони Ицхак.

Спустя минут десять, сидя в быстро двигавшемся большом белом служебном авто «шевроле», они продолжили разговор.

– В нашем городе, кто бы мог подумать, действует серийный насильник, – говорил сидевший за рулём Ицхак, уверенно вписываясь в узкие участки дороги. – И действует нагло, чуть ли не в открытую, а мы пока ничего не можем с этим поделать.

¹ «Боц» – так называемый «грязный» кофе, когда «эспрессо» готовят не в машине, а прямо в стакане.

– За девять месяцев семь изнасилований. Это те случаи, после которых пострадавшие обратились в полицию... После третьего случая мы установили вокруг несколько дополнительных камер, но толку от этого почти не было. Есть с десятков фото, в которые попал наш подопечный под разными ракурсами, но он всё время ходит в куртке с капюшоном, даже в жаркое время. А еще пару раз в дни происшествий была туманная погода, тут ведь до моря всего несколько сотен метров, так что часть фото вышли нечеткими.

– Есть ли какая-то периодичность во всех этих случаях? Ну, фазы Луны там или что-то в этом роде, – спросила Лея, сидевшая рядом с водителем и с интересом разглядывавшая разворачивающуюся перед ней панораму центральной части города Хайфа, в котором она не была вот уже несколько лет. И отметила для себя, что многое изменилось за это время, появилось много новых дорог, развилки, стоянок, построек.

– Нет, наши аналитики не нашли в этом закономерности, – ответил Ицхак.

– Предпочтения насильника? – задала новый вопрос Лея. – Пострадавшие женщины молодые или же среднего роста, полные или худенькие, с полными ногами или, может быть, с большой грудью?

Мужчины переглянулись.

– Пожалуй, насчёт груди... четыре из них таки да, имеют довольно большую грудь, – сказал майор Тамам, слегка запнувшись при ответе. – В остальном же нет совпадений. Кстати, мы надеемся, что «наш» насильник, получивший кодовое имя «Петр», даст о себе знать в ближайшие дни, потому что со дня последнего случая прошло три недели.

– Доподлинно установлено, что он русскоязычный? – спросила Лея, услышав русское имя.

– Да, пострадавшие женщины в один голос утверждают, что несмотря на достаточно хорошее знание иврита, преступник говорит с акцентом, а одна из них, русская по происхождению, просто уверена в этом.

– Венерические заболевания, извращения имели место быть? – задала новый вопрос Лея. – Их, пострадавших женщин, в смысле, ведь проверяли после этого?

– Болезней никаких не выявлено, а вот насчет извращений... в одном, всего в одном из случаев, в предпоследнем, кажется, наш подопечный, атакуя женщину сзади, имел с ней половой акт в задний проход.

– В спешке и при активном сопротивлении потерпевшей он мог и не разобраться куда и что, – спокойно резюмировала Лея. – А может, он решил таким способом наказать её за сопротивление. Но это лишь моё предположение, – уточнила она, заметив что её спутники словно по команде задумчиво нахмурили брови.

Оба полицейских молчаливо покивали.

Спустя некоторое время их автомобиль приблизился к месту событий и сбавил скорость.

– Это каньон², – сообщил Ицхак, хотя Лея и так уже узнала об этом из огромных рекламных щитов, и просто при виде трех огромных зданий, по виду явно торговых..

– Вот тут, на этих переходах, все эти изнасилования и происходили, практически на одном и том же месте, – вновь заговорил Ицхак, притормаживая и уменьшая ход машины до минимума, а затем и вовсе остановившись. – После второго случая мы выставили полицейскую охрану – парами, в гражданском, однако, как вы сами понимаете, мы не можем здесь держать людей подолгу, потому что, если преступник внимательный и осторожный, то сразу вычислит тех, что слоняются тут без дела долгое время, и это его может отпугнуть. Тем более, что после десяти вечера тут почти прекращается движение, то есть каждого видно. Он же обычно дожидался момента, когда жертва оставалась одна в пределах видимости и нападал...

² Каньон в Израиле – это комплекс торговых предприятий самого разного назначения, а само слово происходит от ивритского слова кния – продажа.

– Вот этот металлический мостик с довольно узкой лестницей, ведущий к одному из боковых входов в каньон, на которой произошло пять из семи случаев, – продолжил Ави. – Получается, что на ней удобно, догнав человека, ограничить его в движении, схватив сзади. Мы мостик этот хотели было совсем перекрыть, построив другой – пошире, но где гарантия, что наш преступник не найдёт другое подходящее ему место для нападений. Мы очень надемся на вас, Лея, иначе ирия³ с нас не слезет, и тогда надо будет ставить дополнительные камеры, а также подключить к поиску патрули, включая автомобильные, а всё это может спугнуть нашего клиента, не говоря уже о том, что будут потрачены уйма времени и куча денег.

– Ну хорошо, будем надеяться, что я по всем параметрам подойду нашему насильнику, – сказала Лея невесело улыбнувшись. – Мне потребуется специальный лиф – пластиковый, который кроме большего размера бюста даст и дополнительную защиту, трусы-бандаж, которые невозможно снять с человека. Насколько я знаю, у вас всё необходимое есть. Ну, и всё. Когда вы хотите начать?

– Да, хорошо бы прямо сегодня! – воскликнули мужчины одновременно.

– Но я вас прошу, Лея, вы всё же еще раз хорошенько всё обдумайте, – уже снизив тон, сказал Ави Тамам. – Как-то страшно посылать вас туда, в руки этого маньяка. Вы мне как дочь... С другой стороны, если не мы, профессионалы, сделаем это, тогда кто? Итак, если вы окончательно решили помочь нам, мы с вами должны составить договор, а также заполнить страховой полис, затем получить и примерить на вас всё, что с этим связано. Еще у вас будет короткая беседа с нашим социальным работником, после чего вы получите чек на всевозможные, включая непредвиденные, расходы. Номер в гостинице для вас уже снят. Так что удачи!

Оба офицера с чувством пожали ей руки.

Еще около двух часов заняла у неё работа со специалистами техотдела, после чего она с помощью приятной женщины по имени Нили примерила и надела на себя пластиковый лиф и трусы-бандаж.

– Смотри, – напутствовала её Нили, – человеку не под силу без инструмента снять с тебя эти вещи; разве что зная наверняка как они устроены и закреплены. Кстати, девочка моя, эти мужланы сказали тебе, что наш насильник физически весьма силен, или же не стали тебя пугать, пожалели? – В её голосе звучал лёгкий сарказм.

– Видишь ли, Нили, понятное дело, что он физически не слаб, вероятно, как любой средний мужчина его возраста и комплекции, которому под силу справиться с обыкновенной женщиной, да ведь и я не совсем простая... Другое дело, что он предельно нагл, и слёзы его жертв не пугают его, а возможно, даже возбуждают. Наши пострадавшие дамочки, скорее всего, не помнят всех деталей нападения на них, так как, я читала, 70% женщин при изнасиловании впадают в шоковое состояние. Но, – прервала Лея сама себя, повторившись, – я ведь не совсем простая женщина...

– Это-то меня хоть немного да успокаивает, – сказала Нили, окончательно подгоняя амуницию, после чего установила и закрепила в волосах Леи за ухом микрофон не более чем в сантиметр величиной.

– За тобой будет вестись постоянный контроль – аудио и видео. Я настояла, чтобы кто-нибудь вёл тебя также напрямую, под постоянным визуальным контактом. Это будут опытные офицеры, находящиеся в автомобиле сопровождения. Чем подставлять тебя под удар, по мне было бы спокойнее, чтобы государство выделило на это дело еще пару-тройку миллионов шекелей, понимаешь, но чтобы всё прошло гладко.

– На твоём пелефоне⁴ будет постоянно открыто одно из окошек в режиме записи. Сейчас наши специалисты в соседней комнате подгоняют его для этой цели. Вот тебе флакончик

³ Ирия – мэрия.

⁴ мобильный телефон.

с газом, он, как ты видишь, размером не больше тюбика помады. Газ сильный, при прямом попадании в лицо шокирует минут на десять, человек всё это время ничего не видит и практически не может функционировать. Держи его всегда под рукой.

– Принято, спасибо, – с излишней весёлостью в голосе сказала Лея.

Спустя еще некоторое время она въехала на стоянку гостиницы, быстро отметилась у стойки портье и пешком поднялась в свой номер на третьем этаже. Номер оказался даже лучше, чем она надеялась, эдакий полу-люкс. Накануне Лея легко перекусила в первом подвернувшемся кафе салатом и стаканом сока, решив что наедаться не следует, особенно если ей предстоит схватка с насильником. Улегшись на диван со всем этим защитным оборудованием на теле, она поняла, что ей в нём неудобно – жмёт в некоторых местах и кое-где мешает движениям, – но делать было нечего.

«Завтра надену эту сбрую как можно позднее, накануне выхода, – подумала она, заставляя себя закрыть глаза в надежде часок подремать. – А может, как знать, никакого завтра уже и не будет, и всё произойдёт еще сегодня». Так или иначе, она решила никакой конкретной стратегии поведения не придерживаться, понадеявшись на то, что при необходимости её мозг и чувства подскажут, как себя вести.

Вечерело, когда Лея вышла на свою «охоту», оставив машину на бесплатной стоянке в «кармашке» у дороги. Оказавшись на заранее обговоренном месте, она внимательно огляделась по сторонам. Вид на город, тянувшийся всеми своими зданиями вверх, по холмам, был великолепен, а набережная Хайфы, начинавшаяся в двух сотнях метров отсюда, с подсвеченными пальмами, растущими вдоль дорог, смотрелась очень даже симпатично.

Стоял конец сентября. Погода была чудесной: многочисленные яркие звезды всех существующих цветов гудились перемигиваясь на небе; летняя жара, которая держалась в Израиле от начала июня до середины сентября, всего несколько дней назад стала уступать место осенней прохладе; в России такой период называли бы бабьим летом. С моря дул легкий бодрящий бриз. Здесь, вблизи каньона, в этот час было уже совсем малолюдно. Редкие бегуны рысцой проскакивали мимо, почти у всех на руках были прикреплены мобильные устройства, из ушей торчали провода, у некоторых же на головах имелись крупные чаши наушников.

Медленно поднявшись по ступеням на уровень zero – нулевой этаж, она исподволь внимательно огляделась по сторонам, но не заметила ни одного подозрительного или даже просто одиноко стоявшего мужчины. Обследовав оказавшийся к ней ближе всего местный «Нью-фарм», из которого Лея вышла с небольшим пакетом с покупками, девушка отправилась в супермаркет, где в течение примерно получаса честно изучала ассортимент магазина, складывая покупки в корзинку, заметив что в торговых предприятиях города Хайфы все товары на 10—20% дешевле, чем в её родном городе Кфар-Саба. Рассчитавшись в кассе, в обратный путь она пустилась уже с двумя увесистыми пакетами в руках.

– Лея, – вдруг прозвучало у неё прямо в ухе, – это Йони, старший офицер группы сопровождения. Всё идет как обычно, подозреваемого пока не наблюдаем, но у нас всё под контролем. Не волнуйтесь, если что, минута, самое большее две и мы, если потребуется, конечно, окажемся с вами рядом.

Лея не отвечая улыбнулась, давая понять, что и у неё всё в порядке.

Перемещаясь с сумками наперевес, она честно тратила время, исследуя все магазинчики поблизости, затем исходила все лесенки и переходы, находившиеся с этой стороны каньона, после чего, глянув на часы, отправилась к стоянке своего автомобиля. Она шла тяжеловатой походкой утомившегося за день человека, но не слишком демонстрируя усталость, ведь возможно и то, что насильник не лишен чувства прекрасного и не заинтересуется измученной женщиной, лишённой хоть частички шарма. Стараясь не глядеть по сторонам, словно погруженная в собственные думы и заботы, она нарочито медленно спустилась вниз, к своему автомобилю, но на её честь так никто и не покусился.

Уложив пакеты и заведя двигатель, Лея тронулась с места, а спустя пару минут связалась по мобильному с офицером, руководившим засадой.

– Ну что, Йони, мой «клиент» на ваших камерах не засветился?

– Очевидно, у него сегодня выходной, – со вздохом ответил старший группы капитан Йонатан. – Нили уже по дороге к тебе, в гостиницу.

– Спасибо, до завтра. Будем на связи.

Нили дожидалась её у входа в номер.

– Прости, что приходится отрывать тебя от семьи, – сказала Лея, открывая дверь и впуская гостью.

– Да ничего, дело привычное. Да и «шаот носафот»⁵ не помешают, денег больше заплатят.

– Выпьешь со мной кофе или чаю? – спросила Лея, раскладывая принесённые покупки на кухонном столике. – Надеюсь, мне не придется всё это съесть здесь, в гостинице, иначе это дело возьмёт у нас целую неделю.

– Ага, закупились ты основательно, – усмехнулась Нили, бросая взгляд на продукты. – Давай я тебя вначале освобожу от твоих доспехов, а то ведь, как я понимаю, в них и вздохнуть толком невозможно.

Женщины, закончив дела с переодеванием, перекусили бутербродами с сыром и печеньем, выпив кофе, а затем и чаю, и спустя примерно час тепло расстались.

– Завтра я буду у тебя не раньше 19.30, – сказала Нили на прощанье.

– Ты извинись за меня перед супругом и детками за позднюю работу, – сказала Лея с улыбкой, провожая женщину к дверце кабинки лифта.

– Окей, всё будет хорошо, – отозвалась Нили.

Вернувшись в номер, Лея около получаса болтала со своим супругом Алексом, частично посвятила его в свои дела, не раскрывая самой сути задания, а попрощавшись с ним, стала готовиться ко сну.

Следующее утро Лея начала с пробежки, удовольствие от которой трудно было переоценить, так как Хайфа носит неофициальный титул самого красивого города страны. Начав бег с нижней точки горы Кармель, она взбежала на самый верх, откуда ей открылся потрясающий вид на каскадные Бахайские сады. Отсюда сверху были также видны пляжная линия и променада с многочисленными кафешками и ресторанами.

«Ужасно, когда в таком красивом городе заводится мразь вроде этого насильника», – подумала Лея; подспудно где-то в душе было даже приятно, что именно ей поручено попытаться его поймать, избавив город от хотя бы одного из позорных пятен, его портящих.

В этом прекрасном городе было еще много чего интересного: пещера Ильи-пророка, кармелитский монастырь Стелла-Марис, и многие-многие прочие места, которые Лея планировала посетить если не в этот приезд, то в самом ближайшем будущем.

Спуск вниз оказался гораздо легче подъема, всего же её тренировка заняла около двух часов. Усталость после неё была основательной, но приятной, а после контрастного душа и вовсе отступила.

Позавтракав в гостиничном ресторане, она посвятила оставшееся время до обеда осмотру всяких разных достопримечательностей, расположенных поблизости, а пообедать Лея решила в одном из рыбных ресторанов побережья. Вздремнув с 16 до 18 часов, Лея выбралась из постели, чувствуя себя вполне бодрой и готовой для выполнения задания.

⁵ «Шаот носафот» – сверхурочные часы работы.

Нили пришла вовремя, как вчера и обещала, и они вместе, не спеша, учитывая вчерашние огрехи в надевании амуниции, повторили всю процедуру.

– Как ты теперь себя чувствуешь? – спросила её Нили, оглядывая Лею и охлопывая в девятый или десятый раз.

– Вполне сносно, – ответила Лея, после чего женщины обнялись, а спустя некоторое время расстались. Чуть позднее, взглянув на часы, она включила телевизор, собираясь посмотреть новости.

Наступил вечер. Когда Лея, оставив свою машину на самой дальней стоянке от каньона, направилась к торговому комплексу, у неё в ухе пикнуло подтверждение того, что всё идет по плану и она находится под контролем. Сегодняшнее небо было не столь девственно чистым, как вчерашнее, по нему в этот час со стороны моря лениво плыли тяжёлые тёмные тучи и потому звёзд почти не было видно. Любой европеец или американец решил бы, что вот-вот хлынет дождь и, скорее всего, не ошибся бы, но что касается Израиля, тут такое грозное небо часто бывает обманчивым и беременные тучи, едва удерживающие в своём нутре многотонные запасы воды, уносили её прочь, вглубь материка, где благополучно разрешались от бремени где-нибудь в пустыне.

Лее этим вечером пришлось практически повторить вчерашний экскурс по магазинам, только сегодня она решила никаких продуктов не закупать, ограничившись всякой хозяйственной мелочёвкой. Ранее, когда Лея жила вместе с родителями, она почти не обращала внимания на подобные вещи, теперь же, когда она, выйдя замуж, зажила своим отдельным домом, этим приходилось заниматься самой. Она заходила в магазинчики, советовалась с продавцами или опытными покупательницами, и по их совету приобретала хозяйственные товары для дома. Папа Толя всегда повторял ей старую русскую поговорку: «Язык до Киева доведёт», что означало, что люди всегда помогут добрым советом, и теперь выяснялось, что он был, как всегда, прав. Доброжелательные в своём большинстве израильтяне с терпением и душевным теплом охотно делились своими знаниями и опытом с молодой хозяйкой, за что она их сердечно благодарила.

Взглянув на часы и решив что на сегодня достаточно шоппинговать, Лея направилась к своей машине, для чего ступила на ту самую лесенку, облюбованную насильником, только теперь она шла по ней вниз. В какое-то мгновение ей показалось, что она слышит чьё-то дыхание позади себя, но она сдержалась и не оглянулась назад, а спустя еще несколько секунд дыхание приблизилось и чьи-то грубые руки схватили её сзади за спину.

– Лё лазуз, вэ лё ийе лах байот⁶, – услышала она произнесённое на иврите предложение ей в самое ухо грубым мужским голосом. При этом акцент говорившего действительно, как и заявляли пострадавшие, был русским. В следующее мгновение нападавший схватил сзади обе её руки, из которых Лея выронила на лестницу свои сумки, и рывком завернул их за спину, после чего толкнул её на поручни лестницы, одновременно наклоня вперед. Тут она почувствовала, что нападавший насильник, а это, понятное дело, был он, был попросту чудовищно сильным, и это открытие её не порадовало. А нападавший тем временем, держа её сведённые вместе руки за спиной одной рукой, другой с размаху наклепал ей на лицо в области носа и рта какой-то дурно пахнущий скотч.

«Эге, да так он, пожалуй, и вправду до меня доберётся», – подумала Лея, расслабив руки и тем самым давая понять нападавшему, что она смирилась с его действиями. В этот момент она не могла воспользоваться ни мобильником, так как рот её был заклеен лентой, ни чем-либо другим для своей защиты. А насильник тем временем задрал на ней юбку и его рука скользнула в бельё. Обнаружив на теле женщины вместо тоненького белья какую-то странную пластиковую конструкцию, насильник на несколько мгновений замешкался, и как раз в это

⁶ Не двигайся, и тогда у тебя не будет проблем (иврит).

время Лея, расслабив, а затем мгновенно напряжнив до предела все свои мышцы, сумела вырваться из его объятий. Она успела также повернуться к насильнику лицом, когда он вновь попытался её схватить.

Попытку свою он сопроводил фразой «Е* твою мать!», после чего явно вознамерился ударить её кулаком в грудь. («Как же это так, сексуальный объект хочет ускользнуть из его рук!»). Прогнувшись назад так, чтобы он не сумел её достать, Лея нанесла ему два удара ногами: одна врезалась ему в грудь, другая – в подбородок. Это отбросило его на перила спиной, но в горячке схватки насильник эти удары почти не почувствовал. Тогда, пантерой метнувшись к нему, Лея почти в прыжке ребром ладони саданула его по шее сбоку, под ухом, отчего он, зашатавшись, опал на металлический поручень мостика. Затем, сделав ещё шаг, она воткнула ему локоть руки в подбородок, после чего насильник сполз на ступени, замерев в неудобной позе. А уже в следующее мгновение она увидела спешащих к ней на помощь полицейских – одновременно сверху и снизу по лестнице, первым из которых был Йони, державший в руке пистолет.

– Не стреляй, он нейтрализован! – крикнула ему Лея, пытаясь восстановить своё прерывистое дыхание.

Получасом позже она сидела в отделении полиции, в кабинете Ицхака, где также находился и Ави, и с удовольствием пила двойной горячий «эспрессо» без сахара и молока.

– Девочка ты наша родимая, надо же, умничка какая, ты прекрасно справилась, да еще сама, без посторонней помощи! – восторженно восклицал Ицхак.

– Вы знаете, ребята, – Лея отставила пустой стаканчик из-под кофе в сторону, – к сожалению, я вынуждена заявить, что случись это в другое время и в другом месте, где я бы не ожидала нападения, да еще и без средств этой вашей защиты, я не знаю... Боюсь, он сумел бы добиться своего, тем более, что физически наш «клиент» уж очень силен.

– Да, тут выяснилось, – махнул какими-то листками Ицхак, которые он держал в руке, – что он там, в СССР, был спортсменом, мастером спорта по тяжелой атлетике. Конечно, теперь, когда ему сорок два и он не тренируется, уровень подготовки уже не тот, но все-таки... А самое главное, что в этом, именно твоём случае он использовал клейкую ленту, что является новым в его поведении и характеризует как хладнокровного насильника с трезвой головой, идущего на преступление, используя для этого разные новшества.

– Теперь, думаю, это поможет нам в суде против него, так как адвокаты не смогут заявить, что он действовал в горячке, шоке, во время всплеска тестостерона, полнолуния, или по какой-то там еще причине.

– Такие вещи надо бы предусматривать, если не хочешь, чтобы случилось что-либо неожиданное, – сказала Лея. – Это я не вам, себе в упрек говорю, ведь я-то свои силы знаю, а противника всегда лучше переоценить, чем недооценить.

В полдень следующего дня она в здании мэрии в торжественной обстановке получила из рук самого мэра памятный подарок, а также чек на энную сумму. Подарок она позднее аккуратно уложила в багажник своего автомобиля, а чек с приличной суммой, указанной в нём, переадресовала в фонд помощи больным деткам.

К вечеру того же дня Лея вернулась домой, где обняла своего супруга Александра, а позднее они уже вместе отправились домой к родителям Леи. А спустя всего неделю после этой истории, сверив все исходные данные, Лея поняла, что беременна.

Турецкий променад

– А почему эта девка у тебя в наручниках? – спросил «покупатель» по имени Каракюрт у Серкана, старшего охранника, указав на высокую хорошо сложенную брюнетку в ободранной одежде, стоявшую первой в группе испуганных девушек, жавшихся к стене трюма; кисти её рук спереди были густо перехвачены клейкой лентой.

Тот глубокомысленно улыбнулся, собираясь промолчать, но охранник Тургай, работник новый и еще не умеющий сдерживать свои эмоции, прыснул от смеха.

– А он хотел её отвести в душевую комнату и там с ней поразвлечься, так она врезала ему ногой по челюсти. После чего ему это самое сразу расхотелось. Хи-хи-хи.

– Ногой по челюсти, говоришь? – спросил Каракюрт, хватая Серкана пальцами за подбородок, на котором действительно имелся свежий кровоподтёк. – А ведь она могла ударить ниже пояса и всё «хозяйство» тебе повредить.

– Да оставь, я просто воспитать её хотел, чтобы коллектив не мучила, – сказал тот, сморщившись от боли.

– Да, девка видная, – сказал Каракюрт, еще раз взглянув на девушку. – Я бы, её, пожалуй, в гостевой двор свёл, в наш VIP-клуб, всё лучше, чем отдавать этим мясникам, жаль только, что это пятно у неё на лице всё портит.

Последние слова он проговорил еле слышно, как бы про себя.

– Вроде как родимое пятно, – сказал Серкан. – Вся щека до самого глаза мясом заросла.

– А ты всё уже успел рассмотреть? – пробурчал Каракюрт.

– Работа у меня такая, товар оценивать, – не растерялся Серкан. – Зато вашему бизнесу такое пятно не помеха.

Каракюрт согласно кивнул.

Часом позже, с наступлением темноты, его команда переправила девиц, числом около сорока, из трюма стоявшего на приколе корабля, где они находились прежде, прямоком в специальный автобус, в котором в Турции обычно возят рабочих. А перед этим им дали двадцать минут на туалет. Автобус, в который их погрузили, был не простой, окна в нём были толстые, армированные, а еще затонированы так, что снаружи сквозь них ничего не было видно. Да и изнутри видимость была так себе, словно сквозь туман. Кабина водителя была отгорожена от салона толстым пластиком так, что доступа к нему не было. Сам водитель находился внутри. Второй водитель раздал девушкам пакеты с лепешками, наполненными чем-то, напоминающим гороховую кашу, и по бутылке воды, строго-настрого предупредив, чтобы те не пачкали и не сорили. Этот же парень, лицом злой и не улыбочивый, подойдя к девушке, о которой мы говорили выше, ножом разрезал путы на её кистях. После чего автобус тронулся. У каждой двери, спереди и сзади, сидело по охраннику с толстой дубинкой в руках.

Как только автобус тронулся, Лея, а девушка с родимым пятном, как вы уже догадались, была именно она, стала исподволь разглядывать своих попутчиц. Девицы разных национальностей, в основном тёмных оттенков кожи, были совсем молоденькими, от 15 до 25 лет. Кроме неё и еще двух девушек из Украины, непонятно как сюда попавших и сейчас сидевших вместе, сцепив руки, словно неразлучные близняшки, все остальные были африканками. Они, голодные, испуганные, негромко переговаривались между собой на разных языках и наречиях. Пёстрые одежды, в которых они прозябали бессменно, кто несколько дней, а кто уже неделю, давно потеряли вид и свежесть, отчего запах в автобусе стоял тот еще. Лея понимала состояние девушек и сопереживала им: оторванные от своих семей, близких, привычного образа жизни, при отсутствии элементарных санитарных условий, полуголодные, они все поголовно были без преувеличения на грани умопомешательства.

Все они были из того неуправляемого потока беженцев, направлявшегося из Африки и стран Ближнего Востока, преимущественно из Сирии, к обещанной им новой жизни в Европу, сытую, мирную, размеренную и богатую. Но, как известно, добирались до турецкого берега не все. Часть перегруженных, зачастую ветхих корабликов, снующих от одного материка до другого, так и не достигала цели; они переворачивались и нередко тонули, случилось – что совсем недалеко от берега, к которому беженцы так стремились. И вот тут люди Серкана не дремали: они, имея в своём распоряжении мощные и быстроходные катера, подбирали болтающихся в воде, по сути тонущих несчастных девушек, зачастую «не замечая» мужчин, а также стариков и раненых. Им нужны были именно беженки, молодые и здоровые, пережившие крушение, растерявшие членов своих семей, то есть не знавшие, жив ли кто из родственников, их попутчиков, или погиб. Такой вот проводился отбор. И только благодаря своему возрасту – молодому, а кое у кого и юному, когда люди имеют свойство быстро приспосабливаться к любым жизненным передрягам, а также условиям и обстоятельствам, девушки еще как-то держались. Беда была в том, что никто из них не знал, куда и для чего их сейчас везут. А знала только Лея, и знала, увы, слишком хорошо. Их везли даже не в публичные дома, чего девушки, скорее всего, опасались. Нет, их везли в неофициальный блок большого больничного комплекса в глубине страны, где им предстояло стать не по собственной воле, конечно, донорами для обеспеченных граждан Европы или арабских государств. И донорами не крови, увы. У кого-то из этих несчастных изымут сердце или часть печени, а то и всю целиком, или же почку, а у кого-то, вполне вероятно, сразу обе... После тщательных медицинских проверок, которые им вскорости предстоят, окажется, что какому-то реципиенту-миллионеру подойдет сердце или печень той или иной из девушек, и тогда...

А вообще у человека, если он, конечно, молод и здоров, можно изъять множество органов: сердце, печень, обе почки, лёгкие, поджелудочную железу. Весь такой комплект на чёрном рынке тянул уже на миллион евро... А тело несчастного донора потом будет или сожжено или захоронено втайне где-нибудь в песках...

Под кожей руки Леи, справа под мышкой был вживлён миниатюрный передатчик, который, когда на него подавался запрос извне, сообщал свои координаты. Эти данные поступали на компьютер к серьезным людям из Интерпола, а те знали, что и как дальше с этой информацией делать. Конечно, это была не бог весть какая подстраховка лично для Леи, так как в создавшейся обстановке с ней в любую минуту могло произойти что угодно, а помощь ведь могла и запоздать...

Заданием для Леи, – а в настоящий момент она была агентом Интерпола, – было обнаружить этот самый неофициальный, или подпольный медицинский блок, расположенный, как подозревали, в каком-то больничном комплексе в качестве отдельного частного подразделения. А что делать далее, решал уже сам Интерпол, по требованию которого в дело вступала готовая сотрудничать полиция Турции.

Неделю тому назад миниатюрная подводная лодка благополучно доставила Лею из Израиля через акваторию третьих стран на место массовой отправки беженцев в Африку, в компании с которыми девушка без труда попала на корабль, следующий в Турцию, заплатив довольно крупную сумму капитану судёнышка. Надежда отправивших её людей была на то, что даже благополучно достигнув турецкого берега, девушка найдёт способ попасть в лапы этих самых серканов, торгующих людьми на органы. И она, конечно же, сумела. Как именно? – это тема для отдельного рассказа.

Переезд автобусом на новое место занял около трех часов, большую часть пути он ехал без остановок вначале по побережью, затем вилляя по извилистым гористым дорогам, после

чего, прибыв к месту назначения, он заехал в какой-то подземный бокс, из которого девушек там же, не выводя наружу, препроводили в новое для них место, по сути в тюрьму. Впрочем, условия тут были вполне приемлемыми, особенно по сравнению с трюмом корабля: в огромном помещении, очень похожем на бомбоубежище, разделённом на отсеки с помощью передвижных ширм, было множество топчанов, составленных по три, и уставшие девушки, обессиленные за эти последние часы, попросту повалились на них и почти все сразу уснули. Лея тоже заставила себя вздремнуть, силы надо было экономить, однако её всё это время, очевидно из-за просмотренных ранее, пару лет назад, исторических художественных фильмов, не оставляло ощущение, будто они находятся в каком-то гареме.

Желая сменить направление своих мыслей, она вспомнила недавно прочитанную ею газетную статью, называвшуюся «Италия расследует смерть 26 нигерийских женщин».

«Итальянские следственные органы начали расследование смерти 26 нигерийских женщин, в основном подростков, чьи тела были обнаружены в Средиземном море. Предположительно, погибшие женщины могли быть изнасилованы и убиты при попытке пересечь море и добраться до Европы. В портовой городе Салерно по этому делу уже задержаны пять мигрантов. Большинство погибших женщин находились на надувной лодке, на которой было еще 64 человека. Как сообщают итальянские СМИ, тела женщин содержатся в морозильной камере корабля. Большинству из них было от 14 до 18 лет».

Несмотря на весь ужас, который пробирает любого нормального человека при прочтении или даже рассказе об этом или другом подобном случае, Лея заставила себя расслабиться и вздремнуть.

Разбудил её часом позже какой-то шум: двое охранников в гражданском, вооруженных лишь дубинками, но очень грозных на вид, пришли и забрали каждый по две девушки и куда-то увели. Вначале девушки сопротивлялись, не желая подчиняться, но потом один из охранников, видимо, полиглот, сразу на трех языках объяснил девушкам, что их ведут всего-навсего на анализы, после чего сразу же вернут на место. И действительно, спустя пару часов все, включая и Лею, прошли эту процедуру, затем девушкам было устроено вполне приличное купание в душевых кабинках, после которого их впервые за всё время сытно покормили.

– Надо же, откармливают перед забоем, – невесело пошутила про себя Лея, тем не менее заставляя себя съесть всё принесённое.

Наступила ночь. Освещение было на минимуме. В помещении было довольно спокойно, лишь изредка кое-кто из девушек вскрикивал во сне, а после полуночи охранники куда-то увели двух девушек-украинок. Лея, всполошившись было, заставила себя успокоиться, расслабиться, и вскоре вновь задремала, так как действовать именно сейчас было преждевременно, а изменить что-либо практически невозможно. И вдруг, уже во втором часу ночи, она резко проснулась, так как перед ней возник... Серкан.

– Ну что, куколка моя, ты готова принять меня этой ночью, – пробормотал он, хватая её за руку. Мужчина, как Лея поняла, был подшофе, то есть пьян.

Не понимая слов, лишь улавливая их смысл, Лея кивнула головой, словно соглашаясь с ним, затем встала со своего топчана и, продолжая движение, резко ударила мужчину пяткой снизу в челюсть.

Серкан со стоном повалился на пол, а спустя минуту его подхватили под руки и увели куда-то охранники, а Лее вновь связали руки, только теперь уже пластиковым жгутом. «Если бы я согласилась пойти с ним куда-либо, он по дороге мог ведь брызнуть мне в лицо какой-нибудь гадостью, чтобы я отключилась, и тогда всё моё дело пошло бы насмарку, не говоря уж о надругательстве над телом», – подумала она, оправдывая свои действия. Когда суматоха вокруг неё утихла и девушки, отдыхавшие по-соседству, ворча и пожимая плечами, то есть не вполне понимая её поведение, вновь улеглись на свои топчаны, Лея отправилась в туалет, где, сев на крышку унитаза, поднесла руки к лицу и пальцем одной руки развер-

нула перстень обычного дешевого металла, на который не позарились даже жадные охранники, розочкой внутрь. Затем не без труда провернула камешек по часовой стрелке и из розочки возникло узкое голубоватое пламя длиной в сантиметр. Легко перерезав огнем толстый армированный пластик, сковывающий её руки, она обратным поворотом камешка выключила лазерную горелку. Потом, нащупав у себя подмышкой едва заметную выпуклость, Лея сильно сжала её двумя пальцами левой руки, тем самым подавая сигнал, что она находится на месте, в самом медицинском центре.

Охранник у двери весьма удивился тому, что связанная по рукам беженка, ударившая накануне его начальника ногой в голову, сама пришла позвать его, то и дело повторяя: «Серкан, Серкан». «Странно, – подумал он, бесцеремонно разглядывая бесстрашную девицу, уродливое родимое пятно которой так портило столь хорошенькое на его взгляд, личико, – вначале дерётся, а после сама же приходит прощения просить». Однако он должен позвать своего непосредственного начальника, чтобы тот, не дай Аллах, не рассердился на него. Он стукнул в дверь пяткой ботинка два раза, как было у них с напарником условлено, и тяжелая металлическая дверь, какие обыкновенно бывают во всякого рода бомбоубежищах, отворилась.

– Чего колотишь? – едва успел спросить его напарник, которого звали Огюз, как из-за двери ему навстречу шагнула девица с каким-то странным родимым пятном на щеке, казавшимся в неверном свете подземелья каким-то неестественно пугающим. Но охранник не успел отвести свой взгляд от этого уродства, так как девица нанесла ему удар ногой в солнечное сплетение, от чего Огюз беззвучно опустился на пол. Вытащив у него из кобуры пистолет и перевернув затвор, Лея еще раз глянула на лежавшего неподвижно за дверью внутри помещения первого охранника, затем выбралась в коридор. Свет тут был скудный, лишь дежурные лампы, расположенные одна от другой на довольно большом расстоянии, освещали длинный коридор. Увидев через три десятка шагов от себя дверцу светящегося лифта, Лея подошла, открыла её нажатием кнопки и вошла внутрь. Кабинка засветилась изнутри ярким светом, однако вместо цифр на маленьком экране загорелись какие-то буквы в трех уровнях. Нажав наугад на нижний из них, она почувствовала движение, а спустя секунд двадцать лифт остановился. Выйдя наружу, она увидела поблизости слева от себя освещённые двери и осторожно, крадучись, отправилась в ту сторону. Направо же был коридор, уходящий в темноту. Заглянув в прозрачный круг, имеющийся в центре двери, она поняла, что попала именно куда хотела – в медицинское учреждение: перед ней, судя по всему, была приёмная, вслед за которой, вероятно, следовала операционная.

«Над же, преступники тут работают по нахалке, в открытую, без „боюсь“, – подумала Лея, мысленно составляя план действий. Ей было предписано после подачи сигнала находиться в каком-либо безопасном месте или помещении и ждать, когда свою часть работы выполнит турецкая полиция, направляемая специалистами из Интерпола, однако бездействие для неё было хуже пытки. Она боялась, что полицейские, прибыв на место действия через какое-то время, могут упустить с места событий врачей – главных действующих лиц в этой клинике, занимающихся преступным бизнесом.

Лея дернула ручку двери на себя, затем поискала какую-либо кнопку на стене, но дверь была заперта и она не видела способа её открыть.

Тогда Лея решила действовать по обстоятельствам, на свой страх и риск. Направив на замок двери дуло пистолета, она несколько раз выстрелила. Звуки выстрелов, сопровождаемые эхом, были весьма громкими, зато казавшаяся непреодолимой дверь после сильного удара ногой растворилась настежь. Лея осторожно заглянула внутрь помещения, оттуда ей навстречу уже бежал охранник, на ходу достававший из кобуры пистолет. Когда он, не сбавляя скорости, показался в срезе двери, Лея поняла, что перед ней пожилой человек, поэтому просто шагнула ему навстречу и в два-три движения, используя инерцию и силу самого охранника, отобрав у него оружие, уложила лицом в пол. Держа в каждой руке по пистолету, она стала пробираться

далее по помещению осторожными шажками. Перед ней маячили шкафы и полки с каким-то оборудованием, ей не очень понятным. Конечно, она бы предпочла сейчас иметь на себе наряд ниндзя со всем набором хорошо знакомого ей вооружения, но выбора не было, а пистолет, как-никак, тоже вещь серьезная, особенно для боя внутри помещений.

Едва подумала об этом, как ей пришлось пустить оружие в ход, так как навстречу ей бежали сразу трое мужчин с автоматическими винтовками в руках. На мгновение мелькнула мысль, что, может, это и есть полицейские, прибывшие сюда по наводке Интерпола, но нет, эти оказались бойцами в какой-то странной униформе, мало похожей на полицейскую. Двое из троих с ходу открыли огонь, едва завидев Лею, поэтому она упала за один из медицинских шкафов и из положения лёжа произвела несколько прицельных выстрелов по нападавшим. К слову, в стрельбе из пистолета ей раньше приходилось упражняться не так уж часто, но вот два последних месяца, она, словно чувствуя, что ей это понадобится, упорно тренировалась вместе с работниками Интерпола по несколько часов в день.

Двое мужчин, получив по пуле в ногу – один в голень, другой в бедро, – крича и стеная, закрутились на полу коридора, побросав оружие.

С третьим охранником Лее пришлось повозиться подольше: перестрелка с ним длилась минуту или две, в результате чего оба они, истратив почти все патроны, буквально столкнулись лбами, выскочив навстречу друг другу. Первым делом выбив из рук охранника оружие, Лея перешла с ним в рукопашную схватку и спустя двадцать секунд уложила противника на пол несколькими мощными ударами ног по корпусу. Оглядевшись по сторонам, Лея решила продвигаться дальше, тем более, что еще ни одного человека в белом халате она тут не встретила.

Но вот, войдя в очередное помещение, на этот раз действительно похожее на предоперационную, она увидела врача, правда, тот был в голубом халате. Опустив пистолет, Лея направилась было к нему, но тут перед ней неожиданно возникла женщина в спортивном костюме.

«Спортсменка», – решила Лея, поняв это по атлетической фигуре и гибким быстрым движениям. Она успела увидеть странную, коварную улыбку на лице доктора, но не поняла его радостного настроения.

Подняв пистолет, она уже хотела было выстрелить в ногу этой дамочке, и лишь тогда увидела, что патроны в нём закончились. Не слишком опытный стрелок, она не успела проверить его. Странно, её новая противница будто предчувствовала это, а может, имея в этом деле немалый опыт, смогла, несмотря на расстояние, увидеть.

Тем временем женщина крадучись мягко, словно пантера, двинулась ей навстречу, попутно выхватив из-за пояса нунчаки.

...Её имя было Гертруда. Эта женщина была немкой по рождению, недавно ей исполнилось 29 лет. Несколько лет тому назад она, живя в Германии, вела довольно таки свободный образ жизни, легко встречаясь с самыми разными мужчинами и также легко с ними расставаясь. При этом она не забывала вполне серьезно заниматься спортом, её видом был тхэквондо. Являясь четырехкратной чемпионкой страны в этом виде единоборства, Гертруда была финалисткой чемпионата Европы, получив серебряную медаль, а один раз участвовала в чемпионате мира, где, дойдя до четвертьфинала, уступила будущей чемпионке. Всё было бы хорошо, но как раз в тот период времени она имела сексуальную связь с каким-то миллионером из Саудовской Аравии, от которого подхватила какой-то малоизученный вирус. Пока врачи, разводя руками, пытались поставить диагноз, болезнь в ней развивалась не на шутку и первым делом поразила печень; Гертруда стала стремительно худеть и хиреть. От её внешности, которую друзья, любовники и знакомые оценивали как вполне достойную, почти ничего не осталось, о спорте тоже можно было забыть. Поначалу Гертруда думала, что всё как-нибудь само наладится и придёт в норму, стоит только придерживаться диеты, назначенной докторами, но, как оказалось, всё было гораздо серьезнее и сложнее. Диагноз, наконец, был установлен, но, как

признали врачи, несколько запоздало, и теперь дело шло к тому, что она стала остро нуждаться в пересадке печени, – иначе ей грозила смерть.

У Гертруды не было нужной суммы денег для пересадки – 200 тысяч евро, и занять их ей тоже было не у кого, так как обеспеченных друзей и тем более богатых членов семьи у неё не было, да и обращаться к ним она не хотела. Случайно познакомившись в одном из кафе с врачом, гражданином Турции, которого звали Ахмет⁷, она узнала, что существует возможность сделать нужную ей операцию и за гораздо меньшую сумму. Она откровенно призналась доктору, что у неё в наличии есть всего несколько тысяч евро, на что он твёрдо заверил её в том, что в таком случае сделает операцию бесплатно; она же в свою очередь уверила его, что непременно отработает свой долг. Ахмет не подвёл, буквально через пару месяцев он пригласил Гертруду отправиться вместе с ним в Турцию, на что она не колеблясь согласилась, так как была готова на всё, только бы жить.

Вскоре доктор провёл блестящую операцию по пересадке печени, после которой Гертруда в считанные месяцы вернулась к своим прежним кондициям. Вначале она восстановилась физически и морально, следом за этим вернулась и её былая красота; во всяком случае ей так хотелось думать. С того дня она так и осталась рядом с этим доктором: она стала его тенью, женой, любовницей, рабыней, – таким способом, единственно ей известным, она решила его отблагодарить. Вероятно, тут имели место и чувства, во всяком случае, Ахмета такие отношения вполне устраивали. Гертруда не вдавалась в этические нюансы работы своего повелителя, – он спас ей жизнь, и этого для неё было достаточно. Вот и теперь, находясь вместе с ним на работе, Гертруда, являясь в первую очередь телохранителем Ахмета, заметив угрозу, исходящую от этой внезапно появившейся женщины, собиралась её устранить.

Они сошлись в центре помещения. Лея, пытаясь угадать, каким из видов единоборств владеет её соперница, стала в стойку, более подходящую для айкидо. Гертруда, на лице которой мелькнула понятливая улыбка, тут же заняла защитную позицию, нунчаки в её руке стали вращаться с пугающей быстротой.

«Я должна покончить с ней как можно скорее, – подумала Лея, – ведь доктор в любую минуту может позвонить в службу безопасности, и тогда сюда набегит целая куча народа с оружием».

«Я должна разобраться с этой овцой, мнящей себя *леди-карате*, как можно быстрее, – подумала Гертруда, – ведь пока эта баба тут, моему Ахмету может грозить опасность».

Доктор, к счастью, не стал никуда звонить, а с интересом стал наблюдать за предстоящей схваткой двух дам.

Сойдясь в центре зала, девушки принялись кружить друг возле дружки, делая атакующие и защитные выпады, но пока дело до контакта не дошло. Наконец Лея, терпение которой стало иссякать, да и время, как она понимала, работало против неё, бросилась в атаку. Особым приёмом ей удалось вырвать из рук соперницы мелькающие словно молнии нунчаки, которые, не доставив Лее неприятностей, улетели в дальний угол помещения. Правда, это стоило Лее пропущенного удара ногой соперницы в область поясницы, но он не был достаточно силён и, тем более, опасен. Опять рывок вперед и удар правой ногой Леи в корпус соперницы достиг цели, он пришёлся в область груди, но оказался слабее, чем того хотелось, при этом Лея по инерции проскочила мимо соперницы, неожиданно получив сопровождающий удар в затылок, чуть было не уложивший её на пол. Опять же отметим, что удар Гертруды был хорош как спортивный, для набора соревновательных очков, однако недостаточно хорош для смертельной схватки.

Вновь бросившись вперед, Лея сделала ложный замах правой рукой, который Гертруда тут же заблокировала своей правой, что позволило Лее перехватить её руку и, подвернувшись

⁷ Достойный похвалы (тюрк.)

тазом, бросить соперницу через бедро спиной на пол. Та, даже не сморщившись от удара телом о бетонный пол, мгновенно вскочила, и тут Лея, вновь бросившись вперед, опять повергла соперницу на пол, теперь уже задней подножкой на всю спину, затем, продолжив движение, рухнула на неё всем телом, целя локтем в солнечное сплетение. Попала. Вглядевшись в лицо соперницы поняла – выключила, та теперь была без сознания.

Тхэквондо – прекрасный вид спорта, однако же он существовал именно как вид спорта, но не более того, в то время как Лея владела приёмами, которые можно было использовать и для нанесения окончательного, то есть смертельного удара. Но этого удара не последовало, Лея просто «вырубила» свою оппонентку на некоторое время.

За их схваткой внимательно наблюдал Ахмет, лицо которого с каждой секундой становилось всё более напряженным, а при последнем эпизоде доктор попросту исчез из видимости, захлопнув за собой толстую металлическую дверь. В эту же минуту где-то неподалёку взревела сирена, и Лея поняла, что вскоре здесь появится полиция, и что ей необходимо быть как можно дальше от этого места, чтобы не попасть под возможный перекрестный огонь, если внутри-больничная охрана окажет сопротивление полицейским.

Обратный путь её занял не более двух минут, у входа в помещение, где были размещены девушки, она застала всё ту же картину: снаружи лежал один охранник, внутри находился другой, но он уже не лежал, а сидел, прислонившись к стене и одна из девушек поила его водой из пластикового стакана. Другие девушки испуганной кучкой, а здесь их было десятка два, приблизившись к выходу наблюдали за происходящим, и Лея, входя внутрь, сказала им по-арабски, чтобы они возвратились на свои места, если не хотят пострадать. Скользнув на своё место, Лея заметила двух девушек-украинок, одна из которых плакала на плече другой.

– Не волнуйтесь, девушки, – обратилась она к ним, – через полчаса-час всё здесь закончится и вас отправят домой. Не завтра, конечно, но через пару недель наверняка дома будете.

– Так мы же сами согласились сюда ехать, – сбивчиво объяснила одна из них, невысокая милая лицом шатенка. – Мы знали, что будем работать проститутками, но нам, понимаете, очень деньги нужны. Поработали бы пару месяцев и айда домой, к семье.

– Дурочки вы дурочки, неужели вы не знаете, что в этом деле от всех сутенёров одни обещания, а пока увидишь деньги, пройдет, может быть, и несколько лет. А ведь еще и дожить надо... К вашему сведению, мы все тут предназначены для производства операций по забору органов, так что еще бы неделька-две, и нас, разделив на органы, словно курочек, выбросили бы на мусорку...

И, видя, что девушки от её слов оказались на грани истерики, сказала им:

– Но в нашем случае всё уже почти закончилось, вот-вот здесь появится полиция.

И действительно, словно подтверждая её слова, в помещение ворвались несколько вооружённых полицейских в форме, которые с ходу стали действовать достаточно решительно: девушек они согнали в один угол, где построили и стали переписывать их данные, а побитых Леей охранников связали и куда-то увели. По идее, Лея в настоящий момент работала совместно с турецкой полицией, подчиняясь старшему офицеру, её имя для полицейских было Залия (светловолосая). Ведь Интерпол самостоятельно никаких операций не проводил, он мог лишь рекомендовать полиции того или иного государства как и кого следует арестовать по тому или иному делу, сообщив имена и места нахождения преступников. Лея же в настоящий момент являлась тайным агентом этой самой полиции, хотя и посланной сюда Интерполом. И действительно, вскоре её имя – Залия – громко прозвучало в помещении, однако что-то помешало ей отозваться на её второе имя в тот момент, когда она услышала его из уст одного из мужчин. Повязав на голову платок, и прикрыв тем самым часть лица, Лея потихоньку, так чтобы никто её не видел, отправилась в туалет, где первым делом отклеила с лица уже порядком надоевшее ей родимое пятно. Затем оглядела себя внимательно. Одежда грязная, на ней пятна пота, это был её пот, ну, а еще пятна крови, которая, к счастью, были не её. Взглянув в зеркало

в очередной раз, Лея увидела, что один из полицейских подошел к двери туалета и, взводя курок пистолета с длинным глушителем, негромко называет её имя. Страх молнией прошиб её насквозь. Почему этот полицейский зовет её, держа в руке явно не служебный пистолет? Нет, что-то тут было не так.

Она, резко развернувшись к двери, так как та в это мгновение стала открываться, ударила её ногой что было сил навстречу полицейскому, после чего, выскочив из помещения, увидела, как тот, тщетно пытаясь схватить падающий пистолет, заваливается на пол. Ловко подхватив упавший пистолет, Лея оглядела зал, но не увидела в нём других полицейских, а шагнув навстречу медленно встающему, очевидно, ошарашенному ударом дверью полицейскому, ударила его теперь уже ребром ладони под нос наотмашь. Это был нешуточный по силе и, главное, точный, шокирующий удар. Полицейский, дёрнув головой, недвижно замер, распластавшись на полу. Проверив его, Лея сняла с пояса полицейского телескопическую дубинку, наручники, служебный пистолет и, всё это завернув в полу своего одеяния, пошла к выходу.

Держа пистолет с глушителем ладонью за дуло, и придерживая все остальные вещи другой рукой, она подошла к толпе девушек, вызвав своим появлением вскрики и возгласы. Те уже поняли, что все что здесь происходило, каким-то странным образом связано с ней и теперь, что-то выкрикивая, указывали на неё пальцами. Некоторых поразило то, что она оказалась без родимого пятна, других пугал пистолет в её руке.

Двое полицейских, занимавшихся составлением списка, при виде неё схватились было за оружие, но Лея, бросив пистолет и все прочие вещи на пол, подняла руки вверх, тем самым немного их успокоив. Один из полицейских, внимательно поглядев на неё, сказал что-то своему напарнику, который в ответ кивнул, затем прокричал в рацию, после чего попросил девушку присоединиться к остальным. Присев на один из топчанов, Лея стала дожидаться представителя властей или же Интерпола.

Спустя примерно полчаса старший полицейский, сносно говоривший на английском, внимательно выслушав Лею, дал команду своим сотрудникам связать и увезти их коллегу, который ранее пытался напасть на Лею, а после схватки с ней собирался куда-то сбежать, но был задержан своими же коллегами и препровожден в полицию; его пистолет в пластиковом кульке был отправлен туда же. Затем проводил Лею к машине, на которой её доставили в полицейское управление. Там, в специальном помещении, больше напоминавшем гостиничный номер, ей принесли вкусный обед и оставили на некоторое время в покое, но под охраной. Она уже было задремала, утомлённая всем тем, что произошло с ней в последние дни, удобно расположившись в кресле, когда к ней в комнату, постучавшись, вошли трое: высокий полицейский чин, переводчик и сотрудник Интерпола, ей лично знакомый. Первым делом они сообщили Лее, что полицейский, которого она нейтрализовала, действительно собирался её убить, так как, работая в полиции, одновременно представлял интересы мафии, выполняя её поручения. Таким образом выяснилось, что операция, задуманная и спланированная Интерполом, и переадресованная полиции Турции, едва не провалилась из-за действий сотрудника полиции, который знал имя агента Интерпола и был уполномочен его ликвидировать. Всё это наводило на грустные мысли о коррупции в высшем руководстве полиции, однако Лею это уже никак не интересовало.

Дело было сделано, а остальное уже было неинтересным: бумаги, объяснительные, и прочее. Спустя двое суток Лею под усиленной охраной прямо из здания полиции сопроводили в аэропорт, откуда она обычным рейсом «Эль-Аль», минуя все обычные службы аэропорта стороной, бизнес-классом, в сопровождении работника «Шабак», но под чужой фамилией и с чужим паспортом вылетела в Тель-Авив.

Тем и закончилось для Леи это приключение, если эту операцию можно было так назвать. Позже ей рассказали, что в больнице, которую ей было поручено рассекретить, работали, не считая турецких врачей, один кубинский, один российский, и еще один узбекский, а также

двое русскоязычных израильтян, один из которых был профессором. Эти люди – высокие профессионалы в своей области – имели все возможности, работая официально, получать вполне приличные зарплаты, исчислявшиеся во многих тысячах долларов, но вот же, их соблазнили головокружительно высокие гонорары, ради которых они решились пойти на преступление. Теперь все они, естественно, потеряли возможность работать в медицине, и вот-вот должен был состояться суд, по которому им грозили реальные тюремные сроки. Но хотя бы в этом конкретном случае, подумала Лея, остановлена кровавая медицина, лишаящая несчастных молодых людей жизни ради того, чтобы продлить её обеспеченным старикам или моложавым еще прожигателям жизни, угробившим свои органы в сравнительно молодом возрасте пьянкой и употреблением наркотиков. При этом врачи и особенно деляги-посредники, руководившие ими, наживались, по сути дела, на крови и смерти.

Дома, уже в аэропорту, её ожидали родные: отец с матерью и супруг Александр с их дочечкой-малышкой девяти месяцев, приехавшие на двух машинах. Увидев их, стоявших у бюста Бен-Гуриона, Лея не сумела сдержать слёзы, а небольшая сумка попросту выпала из её рук. Но мать с отцом так её затискали, что слёзы вытерлись об их одежду, после чего она попала в объятия своего супруга. И хотя подробностей этого сложного дела она разглашать не стала, члены её семьи поняли, что ей вся эта история далась не легко. Всю дорогу к дому – а это, если нет пробок, немногим более получаса – она разговаривала со своей дочерью – Лилиан, а та, не видевшая маму некоторое время, поначалу морщилась, глядя на неё, словно собираясь заплакать, но затем лицо её подобрело и весь остаток пути она смеялась, то и дело повторяя: «Мама. Мама. Папа. Мама». Ребёнок попросту радовался, что теперь самые близкие ей люди рядом, на месте: мама и папа.

Михалыч – повторение пройденного

Будильник прозвучал тонким мелодичным зуммером, но этого было достаточно, чтобы Лея услышала его и зашевелилась на своём месте. Выбираясь из теплых объятий постели, она бросила взгляд на часы и как бы невзначай задела локтем бедро спящего рядом мужа.

– Ну, ёлы-палы, одну лишнюю минутку нельзя в постели понежиться, – намеренно сварливым, глухим со сна голосом промолвил Александр, открывая один глаз.

– Просыпайся, лежебока, – ласково проговорила Лея, облачаясь в углу комнаты в тренинг и кроссовки. – Посмотри, какое прекрасное утро встаёт за окном.

Она автоматически бросила взгляд на экранчик прибора, стоявшего на прикроватной тумбочке, в котором была видна часть детской кроватки, расположенной в соседней комнатке и лежащая в нем девочка двух лет и нескольких месяцев. Девочка спала, раскинувшись во сне, дыхание её было ровное и едва слышное, но оно, так же как и сердцебиение, чётко прослушивались на приборе. Но мама, конечно же, всё же заскочила в дочкину комнатку, легко поцеловала её ручку, трогательно высовывавшуюся между прутьев кроватки, и вернулась к себе.

– Да, кстати, сегодня за тобой завтрак и сборы дочечки, – напомнила Лея супругу, после чего, закончив одевание, отправилась к выходу из дома.

На улице, где вдоль дороги по обеим её сторонам стояли двухэтажные домики, в связи с ранним часом было безлюдно, и лишь вдалеке на пешеходной дорожке справа она увидела пару-тройку таких же как она джоггеров – бегунов. Несколько минут не быстрой ходьбы со специальной разминкой стоп, – пятка-носок-внутренняя сторона-наружная, – после чего лёгкий бег до соснового бора, расположенного от их городка примерно в миле с четвертью. Далее сосновый бор плавно переходил в парк, где росли ели, туя, секвойи и всевозможные кустарники, и тут уже Лея стала бегать с ускорениями на коротких участках аллеи. Здесь жителей их небольшого городка, любителей спорта, было уже поболее, примерно с полсотни человек всех возрастов, от совсем юных до пенсионеров, занятых чем угодно – от спортивной ходьбы и бега до йоги и ушу. На ходу раскланиваясь с некоторыми из них, Лея продолжила свои занятия.

Возвращалась она примерно через час, завершив весь цикл упражнениями на гибкость; войдя в дом, сразу же отправилась в душ.

Дочечка Александра и Леи, которую звали Лилиан, стояла посреди кухни с задумчивым видом, держа в руке свою сумочку. Она была одета в легкое розовое платьице, на ногах сандалии, на голове из её густых выющихся русых волос папа соорудил причёску, увенчанную большим красным бантом.

– О чем твои думы, о, дитя моё? – шутливо спросила её выйдя из ванной комнаты мама, чмокая дочь в упругую и гладкую, как персик, щеку.

– Мама, кашу – неть, – сказала Лилиан по-русски, ловко взбираясь и усаживаясь в своё кресло у стола.

– А чего же ты хочешь? – спросила её мама на английском языке.

– Омлет, – ответила та вновь по-русски.

– Так вчера ведь мы уже ели омлет, яичная твоя душа, – сказал, входя, папа. Высокий и красивый мужчина в кухонном фартуке выглядел слегка комично, но Лея, внутренне усмехнувшись, внешне и виду не подала. – Нельзя же каждый день есть одно и то же.

С этими словами он вынул из тостера два поджаренных хлебца и, внимательно их оглядев, положил в тарелку на столе, сопроводив это действие бормотанием: «Ну и хлеб тут рыхлый, ёлы-палы, невозможно привыкнуть».

– Увы, твой папа прав, – сказала Лея, очаровательно улыбаясь дочери. – Папа Саша прекрасно варит овсянку. Сейчас мы туда побросаем немного лесных ягодок, вот так, и овсянка

станет не просто кашей, а пищей богов. Вот тебе твоя порция – маленькая, а вот маме – побольше. А если не будешь есть, мама сейчас обе тарелки очистит, и ты останешься голодной.

Лириан, понимающе улыбнувшись маминой шутке, взяла свою пластиковую ложку и запустила её в кашу.

– Всё, скусила! – сказала она спустя несколько минут, победно вскинув ложку.

– Нет, не всё, у тебя в тарелочке на дне нарисован мишка, а я его не вижу, так что давай, освобождай мишку, – сказала мама.

Лириан, по-взрослому глубоко вздохнув, стала доедать кашу.

Едва Александр уселся вместе с ними и принялся за еду, как у двери звякнул звонок.

– Ну вот, уже и Джессика за тобой пришла, – сообщила мама дочери, отправляя свою тарелку в мойку. Джессика была афроамериканка двадцати лет, которая работала у Лириан бебиситтером. Иногда, как, например, сегодня, она забирала девочку к себе домой, где та час-два играла с её трехлетним сыном Лоуренсом, после чего они вместе ехали в специальный детский парк, расположенный неподалёку. Иногда же, привезя Лоуренса в их дом, они оставались тут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.